

Содержание

Предисловие	11
Неэкономические источники и последствия экономического роста	12
Организация	14
Являются ли западные хозяйственные системы капиталистическими?	16
1. ВВЕДЕНИЕ	19
Бедность как норма	19
Постепенность роста богатства на Западе	22
Некоторые предварительные объяснения	26
1. <i>Науки и изобретения</i>	26
2. <i>Природные ресурсы</i>	26
3. <i>Психологические объяснения</i>	27
4. <i>Удача</i>	29
5. <i>Дурное поведение</i>	30
6. <i>Неравенство доходов и богатства</i>	30
7. <i>Эксплуатация</i>	32
8. <i>Колониализм и империализм</i>	34
9. <i>Рабство</i>	37
Историческое объяснение: западная система экономического роста	39
1. <i>Автономизация экономической жизни и купцы</i>	43
2. <i>Инновация через расширение торговли и открытие новых ресурсов</i>	44
3. <i>Инновация через сокращение издержек производства</i>	46
4. <i>Инновация через выпуск новых продуктов</i>	46
5. <i>Развитие источников инновационных идей</i>	48
6. <i>Неопределенность и эксперимент</i>	49
7. <i>Преодоление сопротивления инновациям</i>	50
8. <i>Инновация в организации: разнообразие</i>	52
Заключение	53
Путеводитель по следующим главам	55
2. НАЧАЛО: СРЕДНИЕ ВЕКА	59
Сельское хозяйство: доминирование деревенской экономики	61

Сельское хозяйство: поместная система	62
1. <i>Единство политической и экономической сфер</i>	63
2. <i>Крепостной труд</i>	66
3. <i>Самообеспеченность поместья и денежные платежи</i>	70
Города: городские центры	73
Безопасность, риск, рынки и вычисления в средневековой жизни	76
Города и политические права	80
Средневековая технология	82
Европейские города-государства	85
Оговорка: плюралистические аспекты феодализма	86
Упадок феодализма	88
Заключение	93
 3. РОСТ ТОРГОВЛИ ДО 1750 ГОДА	95
Расширение рынков: географические открытия	97
Рост населения и расширение внутренних рынков	99
Подъем купечества	101
Урбанизация	103
Улучшения транспорта и рост торговли	105
Технология и расширение рынков	111
Расширение сферы рыночного ценообразования: межрегиональная торговля	116
Пиратство и свободные рынки	118
Влияние капитализма на феодальную аристократию	124
Марксистская проблема периодизации перехода	131
Переход от интегрированного общества к плюралистическому	135
Заключение	137
 4. ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ, БЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ КОММЕРЦИИ	141
Изменения в системе права	143
Векселя	145
Страхование	146
Налогообложение вместо конфискации	147
Экономические объединения, не основанные на родственных связях	152
Двойная запись в бухгалтерии	155
Развитие системы морали, соответствующей нуждам коммерции	157

Меркантилизм	165
Политическая раздробленность Европы как источник экономического роста	167
Заключение	170
5. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: 1750—1880 гг.	173
Предшествующее состояние промышленности	177
Всеобщий рост — требование фабричной системы	180
Сдвиг к фабричному производству	182
Ранние источники энергии: вода, ветер и мускулы	184
Паровой двигатель	185
Железо и сталь	187
Текстильная промышленность	189
Гончарное производство	192
Рост производства и снижение цен: причина расширения рынков?	194
Удовлетворение потребностей фабрик в капитале	197
Урбанизация и сопутствующая аграрная революция	201
Фабрики и труд	202
1. Армия труда в XVIII веке: огораживание	203
2. Вытеснение системы ученичества	206
3. Общее воздействие на рабочих	208
4. Заключалось ли предназначение фабрик в сокращении заработной платы или в повышении производительности труда?	213
5. Рабочий, разделение труда и орудия производства	214
Заключение	217
6. РАЗНООБРАЗИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ: КОРПОРАЦИЯ	221
Корпорация в римском праве	223
Гильдии и регулируемые компании	224
Декретированные компании	225
Лицензированные корпорации	226
Акционерные компании	228
Зарегистрированные корпорации и общие законы о корпорациях	229
Распространение общих законов об инкорпорировании.	233
Либерализация общих законов о корпорации	236
Инкорпорирование кооперативов и некоммерческих предприятий	237
Развитие корпораций во Франции и в Германии	239
Заключение	243

7. ТЕХНОЛОГИИ, ТРЕСТЫ И ОБРАЩАЮЩИЕСЯ АКЦИИ	245
Изменения технологии производства	247
Изменения в организации предприятий	251
1. Сборка, производство полуфабрикатов и сырья	251
2. Интеграция сбыта на национальных, местных и региональных рынках	253
Рынки ценных бумаг	256
Тресты и популярность промышленных акций	259
Динамика слияний после депрессии	262
Были ли акции корпорации более ценными, чем сами предприятия?	266
1. Акции, имеющие хождение на рынке, и инвестиционный риск	266
2. Риск делегирования полномочий	269
3. Движение акций и социальный риск инвестиций	272
Организация работающих по найму.	274
Заключение	278
8. СВЯЗЬ МЕЖДУ НАУКОЙ И БОГАТСТВОМ	279
Промышленная наука до 1875 года: эра химии.	281
Промышленные технологии: использование физики	286
Естественные науки: видимое, невидимое и профессионализация	289
Объяснения западного технологического успеха: фундаментальная наука	291
Объяснения технологических успехов Запада: прикладные науки	295
1. Отбор инновационных проектов	296
2. Стимулы: награды и наказания	298
3. Разнообразие исследовательских организаций	299
Технологический рост как причина экономического роста	301
Как мешать инновациям	305
Заключение и предположения	306
9. РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ	309
Конкуренция и разнообразие	312
Роль новых и малых предприятий в осуществлении изменений	317
Разнообразие размеров внутри отрасли	320

Слияния и конкуренция больших предприятий	322
Размер предприятий и технология	329
Монополизированы ли отрасли с большими корпорациями?	332
Важность малых предприятий	340
Заключение	342
10. ВЫВОДЫ И СРАВНЕНИЯ	343
Политическая сфера	345
Организационные эксперименты и политика	351
Организационные эксперименты после 1914 года	354
Предприятия, принадлежащие инвестору, и кооперативы	356
Сравнение форм организации	362
1. Парадная идеология и глубинный смысл	363
2. Различие смыслов, порождаемое различием контекста: «прибыль»	364
3. Различия производительности или целей: поверхностные или глубокие?	368
4. Научный социализм и эксперимент	372
Экономический рост в третьем мире	374
Заключение	380
ПРИМЕЧАНИЯ	382
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	418
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	424
УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.	442

Предисловие

Сейчас сравнительно легко написать историю развития капиталистических институтов, поскольку каждый знает, что они такое: свободные рынки, частная собственность, деньги, хранение сбережений в банках, страхование, векселя, свобода создания предприятий и т.п. Труднее написать историю накопления богатства в западных странах, поскольку нет согласия в понимании того, как это происходило. Может быть, следует заимствовать опыт биологов, которые за последние полтора столетия поняли, что эволюционные процессы способны создавать разнообразнейшие системы — от протеиновых молекул до болотных экосистем, сложная и запутанная природа которых не дается человеческому пониманию. Эволюция западной системы экономического роста являет нам аналогичное отсутствие общего плана, а также важную роль случая, эксперимента и критериев выживания. Как бы то ни было, западный путь к богатству исторически уникален, и самое малое, чему мы можем научиться у биологов, — не рассчитывать на то, что здесь возможны простые объяснения.

Прежде чем обратиться к истории экономического роста западных стран и к поиску его причин, мы хотим сделать ряд предварительных замечаний. Во-первых, о роли неэкономических факторов в этой эволюции от бедности к богатству, в том числе о роли правительств XIX века. Во-вторых, о роли организаций для экономической деятельности — и предостеречь от предположений, что иерархические структуры есть единственная форма организации. В-третьих, об уместности термина капитализм или любого другого идеологически значимого слова, кончающегося на -изм, для описания экспериментального, зачастую прагматичного подхода к экономическим проблемам, используемого современным Западом. Этот подход нередко имел результатом политику и практику совершенно отличные от того, как изображают капитализм в учебниках.

* На полях под чертой указано начало сраницы по англоязычному оригиналу. См. указатели.

Неэкономические источники и последствия экономического роста

В очерке экономической истории уместно отметить значительные неэкономические источники и последствия развития западного мира от бедности к богатству. Бесспорно, что, в силу распространившегося на Западе признания высокой ценности человеческой жизни, важнейшим последствием увеличения богатства Запада стал демографический эффект — рост населения как результат одновременного увеличения числа живущих людей и продолжительности жизни. Другим важным последствием была урбанизация западного мира — переход от преимущественно сельского общества Средневековья к почти исключительно городскому обществу современных стран Запада. В мире, где люди живы не хлебом единым, столь крутая перестройка не могла бы успешно совершиться, если бы неэкономические секторы общества не сумели успешно приспособиться к радикальным изменениям.

Важно осознать роль политических институтов в экономическом подъеме Западной Европы. Примечательной чертой экономических систем Запада в XIX — начале XX века была значительная независимость производства и торговли от политических или религиозных действий или ограничений, по крайней мере, по сравнению с ограничениями, действовавшими в XIV веке. Однако практика невмешательства (*laissez faire*) лишь в незначительной степени была свойственна этим экономическим системам. Напротив, и в XIX веке, и ранее западные правительства очень активно способствовали развитию производства и торговли. Правительства предоставляли правовые механизмы, обеспечивавшие возврат кредитов и выполнение соглашений; они решительно определяли и защищали права собственности, без которых невозможны инвестиции и торговля; они создавали правовые формы, отвечавшие потребностям предприятий; они субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог; разумно или ошибочно, но они защищали с помощью тарифов и квот национальную промышленность от иностранной конкуренции; они предоставляли валюту, которая во многих странах служила стабильной мерой ценности. Некоторые достижения правительств, такие как бесплатное обязательное образование и транспортные системы — просто изумительны. Правительственная помощь океанскому

транспорту — введение налогов на развитие навигации, а также строительство доков, волнорезов, расчистка фарватеров, контроль безопасности, создание спасательных служб, подготовка мореплавателей, создание морских госпиталей — представляет интерес потому, что она осуществлялась веками, не затрагивая ничьих принципов. Предоставление монополии с целью поощрить создание новых отраслей являет собой еще более давнюю практику, а выдача патентов на новые изобретения, особливо выделенная в конституции Соединенных Штатов, к концу XVIII века стала общей практикой.

В более общем смысле отношения между политической сферой и экономической сферой, хотя и были отмечены высокой степенью автономии экономической сферы, включали ряд других элементов. Монополия на осуществление насилия, которая является наиболее фундаментальной характеристикой политической сферы, предполагала создание системы правосудия для ненасильственного разрешения экономических споров; она предполагала также разграничение и защиту прав собственности, в том числе ограничение налогов и защиту от политических экспроприаций. На Западе поддержание денежного обращения для облегчения торгового обмена было давней прерогативой государства. Представление об экономическом росте как об одной из форм изменения напоминает нам, что изменения никогда не бывают ограничены только хозяйственными отношениями, они затрагивают также общественную и политическую жизнь.

Хотя большей частью политические власти считали своим долгом помогать производству и торговле, в XIX веке стало сравнительно немодным регулировать торговлю, облагать ее значительными налогами, регулировать цены или заработную плату или стремиться к сглаживанию заметных различий в доходах. Предполагалось, что промышленность и торговля служат общему благосостоянию, так что правительство должно было поддерживать и поощрять их.

Подчеркивать независимость экономики от политических влияний вполне уместно в очерке экономической истории, но это только половина истории. То, что политики были относительно свободны от ответственности за ход экономической жизни, позволяло им концентрироваться на других аспектах правительственной деятельности, что привело в XIX — начале XX века к столь же исторически беспрецедентному прогрессу

в политической жизни, как и в экономической. Национальные государства были консолидированы; право участия в выборах расширено; на смену абсолютным монархиям пришли республиканские и демократические правительства; юристы занимались реформированием права и во многих случаях достигли хороших результатов; тюрьмы были реформированы; были созданы бесплатные публичные школы; международные отношения были улучшены настолько, что между 1815 и 1914 годами Европа не знала больших войн; безопасность жизни и собственности граждан возрастала по мере роста законопослушности и эффективности борьбы с преступлениями. Эти улучшения были достигнуты с помощью невероятно низких налогов. Действенность правительства ценилась сама по себе, и это, бесспорно, являлось вкладом в увеличение материального благосостояния и безопасности жизни.

ix

Организация

В рамках политического дискурса проблемы экономической организации рассматривались с точки зрения того, какого вида деятельность должна быть организованной, а какая — нет. Этот подход предполагает существование единственной формы организации — командной, как в армии, в некоторых политических и религиозных организациях, построенных на иерархических отношениях между руководителями и подчиненными. Экономическая теория использует иную концепцию организации, достаточно широкую, чтобы охватывать практически все виды экономической деятельности, и предполагающую вопрос, как следует организовывать ту или иную деятельность, а не — нужна ли здесь организация или нет. Предварительное объяснение этого различия может оказаться полезным для тех, кто полагает неуместным думать об организации только в терминах иерархического подчинения.

Экономическая ортодоксия предполагает, что все виды хозяйственной деятельности организованны. Так, покупатели и продавцы на рынках коллективно выбирают цели, распределяют функции между множеством людей и вознаграждают тех, кто способствует успеху. Даже явно простая экономическая задача вроде поставки яиц к завтраку предполагает сеть взаимодействий между тысячами людей в разных

странах, которые не входят ни в какую иерархическую организацию, но при этом каждый из них выполняет свою маленькую роль, точно согласованную с деятельностью других. Задача не могла бы выполняться с той же надежностью, с какой это происходит в капиталистическом хозяйстве, если бы рынки не являлись мощной организующей силой, способной побудить множество людей к формированию совместных целей, к распределению между многими специалистами труда по достижению этих целей и к обеспечению стимулов, вознаграждающих за выполнение работы.

При выборе между рынком и иерархией как средствами организации хозяйственной деятельности нужно учитывать два аспекта. Что касается фирм, в которых обычно видят основные единицы хозяйственной жизни, то некоторые из них организованы иерархически, другие — нет. Второй аспект относится к экономике в целом: на более высоком, надфирменном уровне хозяйственные отношения могут организовываться иерархически или рыночно или в какой-либо комбинации. Поскольку разнообразие форм и размеров фирм велико, число возможных вариантов сочетания иерархических и рыночных способов организации практически неограничено.

Те, кто подчеркивают эффективность организации экономики через рынки, в действительности имеют в виду нечто большее, чем простое утверждение, что порой чем меньше организации, тем лучше. На деле они утверждают, что при некоторых обстоятельствах рынки обеспечивают более эффективную координацию усилий множества людей, чем командные системы (если мерить эффективность тем, как производство удовлетворяет потребности участников и насколько экономно при этом используются ресурсы). В пользу превосходства рыночной организации обычно выдвигают и тот довод, что рынок вознаграждает и наказывает сильнее и определеннее, чем иерархические структуры, так что в рамках рыночной организации сильнее давление в пользу достижения наилучших результатов. Таким образом, различие между рыночной и иерархической организацией — это не вопрос о большей или меньшей организованности и по некоторым критериям рынок представляет собой более эффективную форму организации.

Иерархия и рынок — не единственные способы побудить людей к сотрудничеству для достижения общих целей. Манориальная система была третьей формой организации экономики.

Она использовалась для подчинения экономических аспектов деревенской жизни политическим и военным аспектам феодальной системы. Подобно современным экономическим системам Запада, она включала иерархические и неиерархические элементы. В главе 8 при рассмотрении сферы науки мы обнаружим эффективную и чрезвычайно производительную форму организации, при которой отношения между учеными не могут быть описаны в терминах ни иерархической, ни рыночной организации.

Если бы человеческие сообщества состояли исключительно из Робинзонов, взаимно изолированных и производящих только для собственных нужд, тогда можно было бы с уверенностью утверждать, что производительность этих обществ лишь в малой степени приближается к их действительным возможностям. Поскольку практически все производство зависит от кооперации усилий, различие методов обеспечения кооперации в разных обществах представляет собой самый многообещающий источник объяснения различий в объеме производства и темпах роста. Чтобы исследовать эти различия, нужно понять, что возможны разные формы организации — к чему и направлены эти предварительные замечания.

Являются ли западные хозяйственные системы капиталистическими?

Осознание того, что первичными свойствами западных систем хозяйства были открытость к технологическим и организационным экспериментам и разнообразие организационных форм, заставляет поставить вопрос о том, как назвать эти экономические системы. В XX веке стало общепринятым называть экономические системы западных стран капиталистическими. Этот термин узаконен традицией. Но основным свойством экономических систем, возникших в Европе с упадком феодализма, является их предельная прагматичность и отсутствие идеологических связей с любыми принципами, за исключением экономической эффективности и выживаемости. Экономический подъем Запада стал возможен благодаря системе, сложившейся прежде, чем она была осознана как система или получила оправдание как идеология. Существовало множество идеологических привязанностей к соответствующим идеям

и институтам — к частной собственности, свободе от произвольной конфискации или налогообложения и т.п., но не было идеологии, основой которой служила бы роль этих институтов в четко очерченной системе экономической жизни. Такое положение сохранялось до 1776 года, когда Адам Смит дал систематическое обоснование идеологии невмешательства, но к этому моменту основные институты западной экономики уже вполне сложились, и процесс экономического роста был запущен. На самом деле, если у Запада в первые одно-два столетия его экономического роста и была какая-нибудь экономическая идеология, то это был меркантилизм, позднее столь страстно и красноречиво отвергнутый Адамом Смитом. Ни Коммунистический манифест, ни Капитал (том I) не использовали термина «капитализм», хотя в 1877 году Маркс употребил его в своей переписке. Оксфордский словарь английского языка отмечает первое использование его в 1854 году Теккереем, который так обозначил условия владения капиталом. Для обозначения экономической системы впервые термин был использован в 1884 году в книге Дуэ «Лучшие времена». В конце XIX века последователи Маркса использовали этот термин как презрительное обозначение системы, которую они намеревались разрушить. Изобретатели термина не вкладывали в него рационального содержания; тем не менее защитники экономической системы Запада решили, что достоинства термина оправдывают неподчинение правилу, в соответствии с которым не следует использовать терминологию своих оппонентов.

Для обозначения западной системы хозяйства больше подходит термин «смешанная экономика», поскольку она всегда и была смешанной. Но современное употребление этого термина как бы предполагает, что были времена, когда существовал более чистый капитализм. Так что, несмотря на собственные возражения, мы будем использовать термин «капитализм» в согласии с традицией, для определения не идеологии (на -изм), но того изменяющегося набора экономических институтов, которые возникли в западноевропейских странах в эпоху экономического роста.

1. ВВЕДЕНИЕ

Бедность как норма

Если мы окинем взглядом историю человечества и оценим 3
уровень жизни наших предков в соответствии с современными критериями, то увидим историю безнадежного прозябания. Тогдашние общества обеспечивали возможность человеческого существования только очень небольшим группам людей, подавляющее же большинство жило в бескрайней нужде. Благодаря литературе, поэзии, романсам и легендам, прославляющим сильных и благополучных, мы невольно забываем о нищете, господствовавшей в прежние времена. Эпохи убожества подверглись мифологизации и порой их даже представляют как золотые времена сельской простоты. Это было не так.

Только в последние два столетия в Западной Европе, Канаде, Соединенных Штатах, Австралии, Японии и ряде других стран наступил редкий в истории период, когда прогресс и процветание затронули жизнь не только привилегированных десяти процентов населения, но и многих других людей. Для краткости и простоты мы пожертвуем географической точностью и будем относить все эти страны к Западу. В Англии, в Соединенных Штатах и в ряде мест Западной Европы уже в начале XIX века (а позднее и в других странах Запада) стало заметно, что необычно большая часть населения стала питаться лучше, живет в более здоровых и безопасных условиях, чем это было в древности на Среднем Востоке, в Индии, Китае, в римской и исламской цивилизациях — словом, лучше, чем когда бы то ни было в человеческой истории.

Сдвиг от бедности к богатству в социальном смысле означает улучшение материального благополучия. Это изменение не находит адекватного выражения в статистике валового национального продукта, национального дохода или в изменениях реальной заработной платы. Конечной опасностью для человека всегда была смерть, и сдвиг от бедности к богатству в первую очередь означает отдаление опасности смерти. Первыми показателями этого являются статистика ожидаемой

⁴ продолжительности жизни, уровня смертности, в том числе детской смертности. Следом в списке идут голод и голодная смерть; сдвиг от бедности к богатству — это уменьшение опасности голода и голодной смерти, что фиксируется статистикой как сокращение заболеваемости из-за недостаточного питания. К числу древнейших бедствий относится также чума, которую можно рассматривать как символ всех губительных болезней; исчезновение таких болезней есть еще одно свидетельство сдвига от бедности к богатству. Нищета обычно ассоциируется с неграмотностью, предрассудками, невежеством и прикреплённостью к месту. Рост богатства — это и распространение грамотности, образования, и увеличивающееся разнообразие жизненных впечатлений. Бедность означает, что главной задачей людей является забота о выживании, что из-за перенаселенности жилищ уединение почти недоступно, что возможности выбора резко ограничены. Сдвиг к богатству сопровождается расширением возможностей индивидуального выбора и частной жизни.

По ряду причин простая статистика не может отразить сдвига от бедности к богатству. Для учета множества производимых продуктов и услуг даже в простой экономике статистика должна оперировать стоимостными величинами, выраженными в деньгах. Деньги являются общим измерителем производимого в хозяйстве, они не отражают различия в составе производства. Поэтому статистические показатели будут одинаковыми для хозяйственной системы, в которой производится все большее количество одних и тех же продуктов и услуг, и для такой системы, в которой происходит экономический рост, сопровождаемый изменением стиля жизни всего общества, с заметным изменением состава производимых и потребляемых продуктов и услуг.

Уже в самом начале экономической экспансии происходили изменения в том, что люди потребляют, в работе, которую они исполняют, и в общем стиле жизни. Первоначальные изменения на Западе были поразительно малы — добавление небольшого количества овощей и мяса к среднему рациону питания, переход от деревянной обуви к кожаной, и общие статистические показатели могли бы лишь символически указать направление изменений. Но по мере экономического развития Запада жизнь людей совершенно изменялась. Подростки перестали трудиться и пошли в школу; на смену труду в феодальном

поместье или на ферме пришел городской труд — на фабрике или в качестве свободного специалиста. Деревенскую хижину сменил городской дом или квартира. Никакие суммарные статистические показатели не могут отразить результаты сдвига от сельской экономики к городской, не могут дать представления о революционном изменении образа жизни, ставшем результатом возникновения железных дорог в XIX веке или автомобилей в XX веке. Говоря об отдельном человеке, различие между богатым и бедным можно, видимо, выразить в деньгах, но, когда речь идет об обществе в целом, богатство означает не только большую величину национального дохода на душу населения, но и совершенно другой образ жизни членов этого общества.

Одна из трудноразрешимых статистических проблем — ⁵ следствие того факта, что труд по дому никогда не оценивался в деньгах, если речь не шла о выработке продуктов на продажу (как на ферме). Так что, когда женщины оставили работу по дому ради оплачиваемого труда по найму, современная статистика учла их заработную плату как прирост валового национального продукта (ВНП), несмотря на то что некоторые видят в этом скорее снижение качества жизни. Есть и еще одна трудность с обобщающими статистическими показателями: некоторые блага и услуги оцениваются в деньгах по их рыночной цене, а другие получают оценку в результате решений администрации или в ходе налоговых изъятий. Нет оснований предполагать, что два способа оценки дают одинаковые результаты.

Заслуживает хотя бы беглого рассмотрения и соотношение между приростом богатства и унаследованным богатством. В декабре каждого года примерно 95% производства может быть отнесено к той части экономики, которая уже существовала и действовала в начале этого же года, и не более 5% составляет прирост этого же года. Но в долгосрочной перспективе относительные роли вновь создаваемого и унаследованного богатства меняются местами. В 1985 году в США более 85% объема производства на душу населения (с учетом изменения уровня цен) представляли собой результаты роста после 1885 года.

Эти цифры, конечно, неточно отражают изменения материального благосостояния граждан. Но образ жизни в 1985 году был явно лучшим, чем прежде, и, если не считать самых богатых, качественные изменения были столь же внушительны, как и количественные.

Вполне возможно, что переход общества от бедности к богатству не сопровождался ростом самоудовлетворенности граждан; собственно, вообще сомнительно, что самоудовлетворенные люди смогли бы осуществить переход от бедности к богатству. Не исключено, что труднее обуздывать психологическое беспокойство физически здоровых людей, чем натиск людей, ошеломленных голодом. И хотя достигший благосостояния народ должен быть готов к необходимости поддерживать обширную систему помощи психически больным и заранее примириться с социальным разладом, нарастающим вместе с расширением возможностей индивидуального выбора, по-прежнему остается вопрос, как может быть осуществлен такой переход. В конце концов, при всех видах социальных изменений с устранением старого набора проблем появляются новые, и вряд ли следует винить людей за то, что они предпочитают проблемы, порождаемые богатством, тем, которые возникают из условий бедности.

История перехода от бедности к богатству настолько изобилует множеством загадок, сюрпризов, разоблачений, триумфов и трагедий, что представляет интерес и сама по себе. Кроме того, лучшее понимание обстоятельств, сопутствовавших экономическому подъему Запада, может быть полезно для тех, кого интересуют вопросы общественной политики, проблемы сравнительных преимуществ множества западных экономических институтов, будущее западных обществ, а также для большинства тех, кто чувствует свою ответственность за передачу следующему поколению, по крайней мере, таких же возможностей улучшения условий своего существования, какими располагало нынешнее поколение.

Постепенность роста богатства на Западе

Приступая к попытке объяснить экономический подъем Запада, следует начать с самого загадочного его аспекта — с его постепенности.

Развитые страны Запада завершили бегство от бедности к относительному богатству в XIX—XX веках. Не было резких скачков в объемах производства — только постепенный ежегодный рост, чуть обгонявший темпы увеличения численности населения, рост того же рода, который впервые начался

в Англии и Голландии. Даже Япония, успехи которой в освоении достижений западной промышленности стали легендарными, пришла к успеху через небольшие порции ежегодного прироста. Всем этим странам потребовалось много времени для умножения как численности населения, так и объемов производства на душу населения.

С учетом роста населения ежегодный (и даже ежегодный) прирост богатства был настолько малозаметен, что широко распространилось убеждение, будто плоды роста достаются только богатым. Только в XX веке по мере накопления богатств на Западе становится заметно, что рост принес выгоду многим. Стало очевидным, что рабочий класс Запады движется ко все большему процветанию, что средний класс процветает и становится более многочисленным относительно населения в целом. Нет, бедность исчезла не совсем. Запад достиг не устранения бедности, но только лишь ее относительного сокращения от 90% населения до 30—20% или еще менее — в зависимости от страны и используемого определения того, что такое бедность (а черта бедности все время сдвигалась вслед за увеличением богатства общества). В XX веке в результате непрерывного экономического роста Запады возник громадный разрыв между его нынешним богатством и прежней бедностью, которая до сих пор является уделом большинства живущих.

Можно выделить основные инновации — в технологии, ⁷ в экономической и политической жизни, которые сделали возможным этот рост. Но при всей внушительности отдельных достижений главным статистическим фактом остается постепенность роста. Эта постепенность частично объясняется тем, что когда крупнейшие изобретения внедрялись одновременно и в одном месте, как это было во времена промышленной революции, они непосредственно воздействовали только на часть экономики и требовались десятилетия для полного проявления их воздействия. Другой причиной является то, что множество мелких усовершенствований в знании оказывало кумулятивное воздействие на экономический рост и в соответствии с законом больших чисел это кумулятивное воздействие распределялось во времени более или менее равномерно. Не было такого дня, когда бы даже самый проницательный телевизионный комментатор или редактор газеты мог заявить об экономическом достижении, «спасающем Запад от бедности». Было много важнейших экономических и технологических достижений,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)